

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Полнеба в крови заката. Дом и усадьба плотно зачастую колены бурьяном. Вольготно ему здесь. Он захлестывает тропинку, навалился на невысокое крыльцо, проник под половой настил и прет сквозь щели сизой щетиной. К порогу прибита неправдоподобно большая подкова. Для счастья.

Павел Бикринев с чемоданчиком «неотложки» в руке вошел в дом. В сумрачной прихожей затаилась подвальная тишина.

— Где больной?— окликнул невидимых обитателей.

За перегородкой забубнили. По-года показалась пожилая женщина в латаном переднике.

— Здеся, входи!— и посторонилась от двери.

В комнате с простыми дорожками, которые лежали крестом, было довольно чисто. Передний угол задернут занавеской. Направо, у стены, кровать под покрывалом, у другой, напротив, старинная лавка, желтая, вымытая с песочком. На ней пожилой, с нездорово-одрябшим телом мужчина. Бикринев поискал глазами стул и придвинул его к лавке. Женщина подошла к изголовью больного.

— Очнись, очнись!— неожиданно густым, насморочным голосом зачистила старуха.— Хвороба, чтоб тя!

Павел властно отстранил хозяйку в сторону.

Старик открыл глаза. С минуту он безразлично рассматривал врача, потом все с возрастающим изумлением, порывисто дыша, захекал:

— Хе-хе, Бикрине-ев, Па-ашка?.. Откуда?..

Ошалело вскочив, зашарил вдруг около себя рукой.

— Полчан, не виноват!.. Право на жизнь! Дробилка..

— Успокойтесь, успокойтесь, — привычно уговаривал его Бикринев.

— Да це ж доктор,— вмешалась старуха.

— Фу ты страхи!.. Примерещилось,— забормотал облегченно больной.

— Ну, а як же? Спит да спит! Все не как у людей,— занудила хозяйка.

Старик откинулся на подушку весь в поту.

Колонна пленных тяжелой зыбкой массой, засоленная, пропахшая дымом и кровью, ползла по изрытым полям.

Будто ревущий кашеев вихрь промчался под землей. Вырвал ничего не ведавших людей с родных станиц и городов, закрутил в лещачьем танце и вдруг кинул их всех судьбе под ноги.

«Кто не потеряет от этого своего разума? Кто встанет наперекор злой силе? — думал про себя Павел Бикринев.— Если всмотреться в эти покорно шаркающие фигуры, никто. Почему не видно лиц людей? Почему это только сплошная, будто в тумане, серая масса? Но даже не всякий драгоценный камень вдруг любому показывает свои сверкающие грани. Надо определенный наклон луча света, и тогда обнаружишь его красоту и неоценимую ценность. Сила солому ломит, но мы не солома»...

Сзади его толкнули. Он напрягся, выровнял шаг. Его толкнули еще раз, и он различил шепот. — Станишник, Пашка! Бикринев повернул голову в полуборот, чуть круче, чем при парадном шаге. В его след пристроился, неведомо откуда взявшись, чуть ли не родич, во всяком случае парень с родной станицы, сотни раз встречавшийся и в будни, и в праздники.

— Кынджал е?

— На што, братушка,— осведомился Бикринев, наливаясь радостью и верой, что в мире все устойчиво и хорошо.

— Брюква, — коротко сообщил Пантелей Щур.— Не угрызешь!

Бикринев закинул руку за спину, покопался в складках шинели и, будто из потаенного кармана, извлек обломанный

в рукоятке нож.

— Держи крепче!

— А то,— утвердительно шепнул

Щур.

Бикринев не видел, как Щур, не вынимая из-за пазухи заветную брюкву, раскромсал ее на две части. Одну он незаметно сунул поглубже, а другую поделил поровну. Бикринев пригнул голову, откусил кусок с кожурой. Но не успел прожевать, как услышал настойчивый шепоток рядом.

— Сорокин немножко, слышь, сорокни!

Бикринев всмотрелся в соседа. Им оказался щуплый замурзанный красноармеец, похожий на подростка, в натянутой поперек головы пилотке. Глаза настойчивые и требовательные. Вынь да положь!

«Точно у бабушки своей пирог просит»,— мелькнуло у Бикринова.

— Сорокни немножко, — заведенно шептал тот.

— Ах ты, птаха неоперенная, солдат фиговый,— пожалел его Павел.

— Дай нож!— потребовал у Щура Бикринев, незаметно пристроившись сбоку.

— Еще че! Доходягу кормить. Геть,— шикнул тот на паренька.

Бикринев удивленно глянул на Щура:

— В уме ты, Пантелей? На, малец!— протянул он надкушенный кусок.

Тот перехватил брюкву и жадно стал грызть. Павел отвернулся от Щура, только теперь стал доходить до него смысл происшедшего.

«И мне, пожалуй, дал, только потому, что нож потребовался»,— с обидой думал он.

Паренек подтолкнул его в локоть.

— Сорокнуть? На, шамай. Бог велит пополам делить!

В сумерках добрались до лагеря. Всех разогнали по баракам. Щур расположился около Бикринова. Тут же притулился и настойчивый паренек. Он повозился на полу, устраиваясь, наивно поведал Бикринову:

— Тожеть станишний. Только ни-

кому ни-ни! Немцы до казаков дюже люты.

— Твой дед, значит, казак? — привязался к нему Щур.

— Казак.

— Батько сын казачий?

— А то как же!

— Ну, тогда ты хвост собачий. Геть, сморкун!

— Не прискипайся к хлопцу,— вступился снова Бикринев.— Нашего роду-племени все.

— Тикать думаешь? — зашептал ему в ухо Щур.

— Поглядим, — лаконично ответил Павел.

— Меня ништо не удержит, уйду до батьковщины. Скрозь все пройду!

— Не то, Щур, не то! В хатах наших тоже враг. Как выгнать надо думать. Эх, жизнь наша нелегкая, пуда полтора! — вздохнул Бикринев. — Стыдно говорить, но зараз бы за цигарку любой палец отдал, так курить хочется.

— Я некурящий,— ответил Щур.

— И то полегче,— снова вздохнул Павел.— Никак спит наш Сорокни? Не забижай его, Пантелей, дите еще по виду, да и годами тож поди.— Он помолчал.— А где же-то сейчас тезка мой, сынок? Ушел и дров на зиму не успел наготовить. Эх!

— А у меня под полом хаты пудов двадцать белой муки, да солонины кадушка.

Врач приготовил шприц, отбил осторожно край ампулы.

— Подкрепим сердечко? Пошаливает?— участливо спросил больного.— Ничего, ничего, не бойтесь! Комариный укус. Ну, вот и готово. Теперь лежать тихо. Станет лучше, увезем в стационар.

Старуха поманила Бикринова за дверь.

— Ты хлопец ученый, разьясни такой случай. Дом, вишь, на старике записан. Я у него другая жена. Первая-то утикла. Его хлеб и сало бахарям скормила. Он-то выздоровеет, гляди, хвост расчесет, а я при своих интересах?

«Мерзкая старуха!»— возмутился про себя Павел. Вслух же сказал:

— Я врач, а не нотариус. А вот почему больной на жесткой лавке лежит? У вас приличная кровать.

— Так тож разбирать колготно!

— Смотрите, за больного ответите!— пригрозил Павел и вернулся в комнату.

Старик лежал так же, лицо у него порозовело.

Утром всех погнали на работу. Бикринев и Сорокни попали в карьер, Щура взял охранник колоть дрова. Весь день работали как заведенные, но медленно, без интереса, сберегая силы. Вечером Щур отозвал Сорокни в сторону.

— Махнем баш на баш? Я те цигарку, ты — шинелюшку.

— У тебя же есть! — удивился Сорокни.

— Не хошь—как хошь. В другом месте обменяю. Мне дюже спать колко, привык к перине.— И Щур отошел.

— Погодь! — испугался Сорокни.— А, была не была!

Сигарету он отдал Павлу.

— Дрянъ табак, немецкий! — поморщился Бикринев.

Стали устраиваться на ночлег, Щур подстелил себе вторую шинель.

— Это еще что? — глянул на раздетого парня Бикринев.

— Мне застудиться никак нельзя,— рассмеялся Щур.

— Возвертай хлопцу его добро,— рассвирепел Павел.— Из шкуры вытряхну!

Щур нехотя отшвырнул шинель.

— На, хай тя грец! Пошутковать нельзя.

Помолчали.

— Пашка,— как ни в чем не бывало, заговорил Щур. — Люди сказывали отсель к бауру-хозяину попасть можно. Там другая жисть.

— Что за люди такие?— остывая, спросил Бикринев.

— Да так, охранник лопотал. Работай, мол, хорошо, к бауру пойдешь.

— Тож человека нашел. Легай

спать!

Сорокни доверительно прижался к Павлу.

— Давай тикать, дядько Павло!

— Погодь, оглядимся. Может, на карьере момент выберем.

— И я с вами,— услышал их разговор Щур.

— Может, лучше к бауру?— подкусил его Павел.

— На што он мне сдался, тот баур. С вами, хлопцы!

Осенний дождь со снегом хлестал по изнуренным фигурам пленных. Охранники попрятались. Даже собакам охранников было не по себе. Мокрые, взъерошенные, они то и дело трясли шерстью, осыпая по сторонам густую морось.

Бикринев, Сорокни и Щур еще с утра заметили завал крупных камней, а к вечеру по одному незаметно пролезли в щели между ними.

— «Еще немного,— думал Павел.— Только бы вырваться».

Что это? Тревога... Все ближе раздирающие душу крики охранников, ближе лай овчарок.

— Вылезай, шнель, шнель! Очень карошо пряталь голова. Ай-ай — издевались охранники.

Подошел офицер.

— Какой вам наказание, чтоб вадится другим небыль? Есть, молодец! Наказаний будет называться: «Заработаль жизнь, найн, найн. Право на жизнь». На скала живо марш! Толькаться. Один победитель. Только один, никс хитрость. Каждый за свой шкура болеть.

Далеко внизу сотни голов, как семечек на подсолнухе, а вверху три фигуры над пропастью. Кто же из них первый сорвется с высоты на камни? Или, быть может, все вместе?

— Пошель! — командовал охранник.

Павел стоял, заложив руки в карманы. Сорокни возился с завязками на своих ботинках. Щур со страхом смотрел на край скалы.

— Пошель! — настойчиво кричал охранник,— подняв автомат.

Щур придвинулся к Павлу. Он дико боялся его, спокойного. Он знал, что Павел сильнее его, и боялся опоздать.

Резким взмахом из-за спины он ударил Бикринева ножом, его же ножом, обернулся — рядом стоял Сорокин.

— Забери шинелюшку, чтоб не колко спать было,— бросил тот. И к Бикриневу: —Я с тобой, дядько Павло!

Охранник с трудом свел Щура вниз. Он трясся и показывал на толпу пленных.

— Воны там, воны убьют меня!

— Не боись, не боись, ты заработал право на жизнь. Пошел!

В комнату вошли санитары. Осторожно уложили больного на носилки и зашагали к машине. Старуха подошла к врачу, который неторопливо укладывал свои инструменты в чемоданчик.

— Слышь, старик-то будто признал тебя за кого-то?

— Я же врач, меня многие знают,— ответил Бикринев.

— Вылечишь его?

— Вылечу.

ПЕРЕВОЗЧИК

Люблю я это место и не люблю. Мост вполне современный, изящной конструкции с белыми светильниками-плафонами через равные промежутки. Я прихожу сюда и сажусь где-нибудь в стороне, и тогда мне вдруг хочется крикнуть во все горло:

— Перевозчик, перевозчик! Перевези меня!

Это было бы нелепо, я знаю. А не так давно я торчал здесь подолгу и призывно выкрикивал именно эти слова. Мне так нравилось. Правда, когда паромщик Конрад-Комрад, как мы его звали, причаливал к моему берегу, я улепетывал подальше. Знал, нездоровится. Комрада я не любил, и за дело. Он люто расправлялся со мной всякий раз при встрече. Пребольно драл за уши и шипел, как гусак.

Осенью я простудился. Сильный жар и ангина заставили мать бежать к Комраду. Он пришел к нам прямо домой,

взял меня на руки, и, завернутого в одеяло, понес к парому. Мне было плохо, но еще хуже от того, что нес меня Комрад. Он хрипло дышал, булькал носом, спотыкался и, казалось, был начинен отвратительным застоялым запахом пота. Но еще хуже то, что Комрад участливо заглядывал мне в лицо и так дружелюбно хыкал, как будто мы с ним были друзья с детства. Будь у меня только свободные руки!

На реке бушевал ветер, хлестал по парому обрывками каких-то веревок, скособочил юбку матери. Волны тяжелые, незнакомые мне, жалобно ухали, им было так же плохо.

Двигался паром медленно, рывками. Мать то подбегала ко мне, то бежала к Комраду на помощь. Притомившись, я задремал. Но не крепко, потому что вдруг ясно услышал голос матери:

— Держись, миленький, держись!

Паром с силой дернуло и я, как кукла, проскочил между стойками поручней. Едва ли я успел что-либо сообразить, и даже не намкнув, вновь был водворен на паром. А в это время из последних сил бился в воде Комрад. Мать обхватив ногами стойку, старалась удержать его, он тоже судорожно цеплялся за край парома, но не мог подтянуться. Комрад был стар, и сил у него хватило только на один рывок.

Не помню его гибели, может быть, мать намеренно скрыла происшедшее и оно не коснулось меня. Когда я вернулся из больницы, Комрада не оказалось, и мне было его не жалко. Тогда меня не задел резкий упрек матери: — «Чурбан, безжалостный! Ведь тебя спасал».

От чего же через столько лет я не могу забыть Комрада и, когда прихожу на речной берег, мне хочется крикнуть что есть силы: «Перевозчик, перевозчик, перевези меня!».